Становление и развитие институтов гражданского общества и их взаимодействие с государством

Т. В. Растимешина¹, Ф. С. Антонов²

¹ *Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия*

² *Московский государственный областной университет, Москва, Россия*

rast-v2012@yandex.ru

Рассматриваются основные подходы к анализу гражданского общества, приводится его определение. Институционализация и развитие гражданского общества отнесены к числу основных тенденций третьей волны демократизации. Прослеживаются этапы институционализации гражданского общества в России. Предложены функциональные критерии оценки эффективности российского гражданского общества на современном этапе. Отмечена сформированность институционального базиса эффективного взаимодействия и взаимовлияния институтов гражданского общества и государства. Выявлены факторы, создающие угрозу этатизации общественных отношений, замедления развития функций гражданского общества и третьей стадии демократического транзита.

Ключевые слова: гражданское общество; государство; демократия; демократический транзит; демократизация; институционализация; некоммерческие организации.

Formation and Development of Civil Society Institutions and their Interaction with the State

T. V. Rastimeshina¹, F. S. Antonov²

¹ *National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia*

² *Moscow Region State University, Moscow, Russia*

rast-v2012@yandex.ru

The authors consider main approaches to the analysis of civil society and give its definition. They name civil society institutionalization and development among the main trends of the third wave of democratization. The authors did trace the stages of civil society institutionalization in Russia and have proposed functional criteria for evaluating the effectiveness of Russian civil society in modern times. They did note formedness of the institutional basis for effective interaction and mutual influence of civil society institutions and the state. The authors have identified factors threatening to bring social relations under state control, slowing down the development of civil society functions and the advance of third stage of democratic transit.

Keywords: civil society; state; democracy; democratic transit; democratization; institutionalization; nonprofit organizations.

Рамки настоящей статьи не позволяют углубляться в теорию гражданского общества, тем не менее мы должны обозначить

границы и содержание этого понятия. Наиболее близкая нам позиция разрабатывалась несколько тысячелетий такими

мыслителями, как Аристотель, Цицерон, Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г. Гегель [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9] и др. Она заключается в делении всех общественных отношений на две сферы. Первая в качестве субъектов включает государство и его органы, вторая представляет собой совокупность всех видов общественных отношений, лежащих вне пространства регулирования и участия государства, т. е. гражданских отношений. Так, уже в рассуждениях Платона содержится критика государства и его деятельности и указание на то, что гражданские формы общественной жизни могут быть более совершенными. Аристотель отделяет собственно политику от неполитических сфер общественной жизни (отношений по поводу собственности, семейных отношений, науки, религии), которые в их совокупности можно отнести к сфере гражданского общества [1, с. 76].

Возникновение и понятия, и термина «гражданское общество» связано с греческим и даже в большей степени римским понятием и термином *civis* — гражданин, участник гражданских (*частноправовых*) отношений (согласно базовому принципу римского права, правовые отношения делились на две сферы, регулируемые соответственно институтами публичного и частного права [10, с. 48]).

На протяжении всей истории политической науки понятие «гражданское общество» рефлексировалось мыслителями, обсуждалось, уточнялось и развивалось в содержательном отношении. Так, в эпоху Возрождения оно обогатилось идеей равенства всех людей — в первую очередь членов гражданского общества — друг перед другом и перед Богом, а также идеей значимости человеческой личности вне зависимости от происхождения и социального статуса. Мыслитель позднего Возрождения Н. Макиавелли впервые противопоставил гражданское общество и государство, обнаружив в их взаимоотношениях ряд противоречий. Так, государство стремится к монополизации власти и контролю над правами и ответственностью граждан, тогда как граждане

заинтересованы в неприкосновенности собственности и невмешательстве государства в их частную жизнь [6].

В период разложения феодальных отношений и «войны всех против всех» (Т. Гоббс) начало оформляться современное европейское политическое мировоззрение, в пространстве которого была проведена четкая граница между «двумя разными модусами бытия — государственным и негосударственным» [11, с. 95], а ключевые позиции заняла категория «гражданское общество» [3; 5]. В Новое время оформились основные параметры теории общественного договора — базиса политического мышления современного человека. В нем понятие гражданского общества не только оказалось противопоставлено понятию государства, но и вошло еще в одну важную оппозицию: гражданское общество (продукт заключения общественного договора) — естественное состояние (качественное состояние социума, общества до заключения общественного договора и учреждения государства). Сама суть теории общественного договора заключается в следующем: потребность в учреждении организации, защищающей права и свободы человека, является основным мотивом вступления граждан в договорные отношения друг с другом и государством; вместе с тем главным принципом осуществления этих отношений должен оставаться принцип неприкосновенности и неотчуждаемости естественных прав человека, главные из которых — право на жизнь и право присваивать себе плоды своего труда, т. е. право частной собственности [12, с. 129].

Философы эпохи Просвещения рассматривали гражданское общество в первую очередь как промежуточный этап развития социума (Ш. Л. Монтескье), который образует переходный рубеж между естественным состоянием и государством. На этом этапе порядок одерживает победу над состоянием войны всех против всех [8]. Вместе с тем гражданское общество понималось и как коллективный субъект интеграции интересов граждан и государства для достижения полноценного равновесия между

требованиями и ограничениями общества и правами личности, личной свободой, с одной стороны, и повиновением и порядком, с другой.

Немецкая классическая философия также внесла неоценимый вклад в разработку теории гражданского общества. Так, И. Кант (1724—1804) выделил атрибутивное свойство гражданского общества, заключающееся в его стремлении к тому, чтобы стать идеальной формой непротиворечивой, бесконфликтной интеграции интересов и свободы всех индивидов и общества в целом [4]. В концепции Г. В. Ф. Гегеля (1770—1831) ключевая роль отводилась производительному труду, который рассматривался мыслителем как необходимое условие, а также основа для объединения людей и удовлетворения их потребностей. Главными атрибутами гражданского общества в концепции Гегеля выступают неприкосновенность частной собственности и равенство граждан перед законом, государством и Богом. Универсальным принципом существования и функционирования гражданского общества является принцип частных интересов, тогда как в основе государства лежит принцип всеобщей воли [2].

Советская политологическая методология основывалась на понимании гражданского общества, изложенном в трудах К. Маркса, где гражданское общество (сущность которого составляют производственные отношения и отношения по поводу частной собственности, т. е. частно-гражданские) представляет собой базис государства, т. е. политических отношений в целом [7, с. 4].

Сегодня в фундаменте наиболее распространенной теории гражданского общества лежит либеральная концепция (ее основы были заложены еще учеными эпохи Просвещения), сторонники которой постулируют разделение общества и общественных отношений на две сферы: 1) с участием государства — политические отношения; 2) с участием граждан, не регулируемые и не контролируемые государством. Это разделение объективно было детерминировано

развитием рыночного капитализма, в основе которого лежат отношения частной собственности. Эта зависимость и дихотомия частного / рыночного / негосударственного и государственного / публичного выявлена и отражена, в частности, в трудах представителей шотландского Просвещения [13; 14].

Одна из первых либеральных концепций гражданского общества изложена в памфлете Т. Пейна «Права человека». В нем гражданское общество, по сути, противопоставляется государству, чья власть называется «необходимым злом» и должна, с точки зрения ученого, ограничиваться и контролироваться гражданами [15]. Само гражданское общество, с точки зрения представителей либерализма, не нуждается в контроле и регуляции, поскольку в его основе лежат принципы самоорганизации и саморегулирования, гражданской ответственности и экономической инициативы самих людей. В концепции Т. Пейна есть идеи, роднящие ее, с одной стороны, с анархическими теориями, а с другой, с утопиями: идеи о возможности постепенной атрофии государственной власти и ее замещения саморегулирующейся ассоциацией граждан, которая на международном уровне будет рядоположена другим национально независимым свободным ассоциациям. Идеи Т. Пейна и его последователей, при некотором утопизме, тем не менее указывают на одну из ключевых функций гражданского общества: ограничение власти государства, контроль над деятельностью государственной администрации, органов принуждения, судов, противодействие монополизации и злоупотреблению властными полномочиями со стороны государственных органов; в конечном итоге — принуждение государства к «возвращению к истокам», к необходимости выполнения *исключительно* тех функций, которые возложены на него общественным договором: защиты прав и свобод граждан, их жизни, чести, достоинства, частной собственности и т. п.

Сегодня либеральная концепция гражданского общества — это не только и не столько теория, сколько, в первую

очередь, активно реализуемый в демократических странах *проект социального будущего-творения*.

Таким образом, большинство ученых сегодня понимают гражданское общество и как теоретическую конструкцию, часть значительного числа социально-политических теорий, и вместе с тем как особый элемент социальной реальности, существующий объективно, вне воли государства и отдельных личностей, и как тенденцию развития, функционирование которой требует научного осмысления.

Классики общественной мысли [16], а также большинство наших современников [11; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25] отмечают, что к числу основных тенденций третьей волны демократизации относятся институционализация и развитие гражданского общества: активно множатся негосударственные (общественные) организации и учреждения, негосударственные средства массовой информации, органы самоуправления; их роль в общественной жизни демократических стран неуклонно растет, в то время как функции государства по регламентации и организации общественной жизни ограничиваются, одновременно уменьшается зависимость личности от государственно-административного регулирования. В начале XXI в. социальную значимость и политический вес институтов гражданского общества в развитых демократических странах и в международном пространстве трудно переоценить.

Гражданское общество рассматривается в различных парадигмах: философской, политической, правовой, экономической и исторической [23]. При этом в политической парадигме гражданское общество может пониматься широко — как определенная стадия развития социума, отождествляемая с обществом в целом. Широкое понимание гражданского общества имеет много сторонников, в частности среди российских ученых¹, отчасти потому, что лежит в русле идей К. Маркса, который писал: «Возьмите определенную ступень развития производства,

обмена и потребления, и вы получите определенный общественный строй, определенную организацию семьи, сословий или классов — словом, определенное гражданское общество» [7, с. 402].

Сторонники второй позиции, к которым относимся и мы, отождествляют гражданское общество (вслед за классиками либерализма) со всей сферой негосударственных (общественных) институтов, структур и отношений. Так, согласно определению Л. С. Мамута, гражданское общество представляет собой сообщество частных (неполитических) лиц — носителей частных целей и интересов [11, с. 94]. Здесь обнаруживает себя некоторый терминологический парадокс: гражданин — это понятие политическое, поскольку гражданином является человек, обладающий определенным статусом в определенном государстве и связанный с ним системой взаимных прав и обязанностей. В связи с этим часть ученых [11; 21; 25] предлагают отказаться от термина «гражданское общество». Однако нам эта проблема не кажется настолько значимой, чтобы отвергнуть устоявшийся научный термин.

Исходя из рассмотренных взглядов на понятие гражданского общества, мы можем принять следующее определение этого феномена: «Гражданское общество состоит из независимых от государства субъектов, действующих самостоятельно в рамках закона. Это — предприниматели, партии, общественные объединения, движения и иные негосударственные организации. Они определяют степень зрелости гражданского общества, его социальную значимость. Гражданское общество — система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны способствовать реализации интересов индивидов и коллективов. Эти интересы и потребности выражаются и осуществляются через такие институты гражданского общества, как семья, церковь, система образования, научные, профессиональные объединения, организации, ассоциации...» [24, с. 160].

¹ К их числу, например, относятся А. В. Одинцова, В. Г. Смольков, Ю. М. Резник и др.

По нашему мнению, если придерживаться либерального подхода к интерпретации гражданского общества, взгляд исследователя будет вполне явственно просматривать его «утопический горизонт» [26, с. 25—27]: в качестве главной ценности и базиса гражданского общества выступает свободный, наделенный всеми правами, самостоятельный и ответственный человек, личность. От свойств и поведения каждой личности в конечном счете зависит качество гражданского общества и его эффективность.

Принято считать, что можно определить эффективность гражданского общества, оценивая то, как объединения граждан выполняют следующие функции:

1) осуществление организациями и ассоциациями граждан, а также отдельными представителями гражданского общества контроля над деятельностью государства, должностных лиц и административных структур;

2) участие институтов гражданского общества в законотворческом процессе на всех его стадиях;

3) партнерство с государством и бизнесом по обеспечению свободной конкуренции и других императивов развития рыночной экономики;

4) активность негосударственных средств массовой информации в освещении деятельности государства, агрегации и артикуляции общественного мнения по всем вопросам социального, экономического и политического развития общества и государства;

5) функционирование экспертных сообществ в качестве референтных групп по оценке прозрачности и эффективности деятельности государства и его органов;

6) функционирование органов местного самоуправления, формирование концепции местного менеджизма: оказание услуг и решение конкретных проблем на уровне местного сообщества граждан с ориентацией на конкретного потребителя — местного жителя;

7) независимая оценка и мониторинг деятельности органов власти, ведение разъяснительной работы среди населения для

привлечения граждан к независимой и объективной оценке эффективности административного аппарата города и региона;

8) осуществление независимого аудита эффективности расходования бюджетных ассигнований, субсидий, грантов;

9) контроль соблюдения прав человека и конституционных прав граждан бюджетными организациями (больницами, образовательными учреждениями и т. п.), органами внутренних дел и т. п.;

10) взаимодействие с международными организациями и арбитражами и т. п. [27, с. 12—13].

Гражданское общество в институциональном отношении представляет собой совокупность институтов, создающих возможности для «самопроявления свободных граждан, огражденных соответствующими законами от прямого вмешательства и произвольной регламентации деятельности этих граждан и этих организаций со стороны государственной власти» [28, с. 28]. Кроме того, институты гражданского общества выполняют функции агрегации и артикуляции интересов, а также гражданской социализации индивидов, поскольку они создают условия, при которых «в открытом сопоставлении взглядов происходит “притирка” разных групп интересов и в диалоге с государственной властью формируется гражданское сознание и гражданская позиция» [29, с. 14]. Таким образом, в пространстве гражданского общества сопрягается индивидуальное и общественное, общественное и всеобщее, всеобщее и государственное. К числу институтов гражданского общества следует отнести: общественные некоммерческие организации (НКО); частные предприятия; негосударственные средства массовой информации; нормы, традиции и организационные рамки частной жизни людей (религию, соседство, благотворительность и т. п.) [19].

Исследователи гражданского общества и его развития в России выделяют несколько этапов его институционализации.

Первый этап, по мнению большинства ученых, характеризуется интенсивным ростом количества институтов и взаимным

стремлением государства и вновь создаваемых ассоциаций к выстраиванию отношений сотрудничества и взаимопомощи в различных областях (1992—1996 гг.).

Второй этап большинство ученых характеризуют как «партнерский»: он отличался ориентацией государства на взаимодействие с правозащитными организациями в сфере прав и свобод человека (1996—2004 гг.).

Третий этап начался в 2004 г. Для него характерно усиление вертикали власти, создание институтов гражданского общества по инициативе и под патронатом административных органов, стремление государства к поддержке преимущественно социально ориентированных общественных организаций при ориентации на отношения доминирования-партнерства ([27; 30; 31; 32; 33; 34] и др.).

На последнем этапе наблюдается тенденция к продолжению выстраивания институциональной структуры гражданского общества, и она идет параллельно с усилением административной вертикали.

Этот процесс осуществляется как по инициативе, исходящей от государства, — по сути, сверху, — так и в результате низовой гражданской самоактивации и самоорганизации. Сверху создаются в первую очередь организации государственного и регионального уровня: властная воля государства предупреждает и перекрывает гражданскую инициативу; по всей видимости, оно демонстрирует тем самым поддержку и патронирование процессов институционализации гражданского общества: «2001 г. — проведение Первого гражданского форума; 2004 г. — создание Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека; 2005—2007 гг. — формирование Общественной палаты Российской Федерации, экспертных комиссий при федеральных министерствах, Общественных приемных в Аппаратах полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах» [35, с. 169].

Можно сказать, что создаваемые институты с самого возникновения встраиваются в общественно-административную

матрицу. Такого рода институты формально и в функциональном отношении отделены от государства, а на самом деле представляют собой посредника, осуществляющего агрегацию и артикуляцию общественных проблем и запросов граждан и доносящего эти проблемы до государственных органов. Однако они, во-первых, вовлечены не столько в общественную жизнь, сколько в административные отношения, во-вторых, не являются продуктом самоорганизации собственно гражданского общества. Как отмечают специалисты, в частности О. В. Малахова, «группируются они вокруг государства, как института, обладающего большим объемом властных ресурсов, которое не только применяет мобилизационные практики, инициируя создание указных структур, но и контролирует подбор их лидеров» [35, с. 168]. Это обстоятельство характеризует институциональную систему гражданского общества (по крайней мере ту ее часть, которая встроена в административную матрицу) как корпоративную по своей сути. Корпоративизм — это, по определению Ф. Шмиттера, «система представительства интересов, составные части которой организованы в несколько особых, принудительных, неконкурентных, иерархически упорядоченных, функционально различных разрядов, официально признанных или разрешенных (а то и просто созданных) государством, наделяющим их монополией на представительство в своей области в обмен на известный контроль за подбором лидеров и артикуляцией требований и приверженностей» [36, с. 15]. Эти обстоятельства даже дают основания некоторым авторам говорить о том, что сверху происходит «формирование отнюдь не элементов открытого (массового, гражданского) общества, а <...> социальных сообществ **мобилизационного**, авторитарного характера» [37, с. 43].

Следующая тенденция оценивается нами как почти парадоксальная: с одной стороны, цели и задачи административной реформы объективно требуют институционализации гражданского общества, поскольку сама реформа предполагает по некоторым

направлениям делегирование полномочий административных структур гражданским организациям или организациям, находящимся в ведении и подчинении муниципальных органов власти (которые по сути также представляют собой институты гражданского общества). Но, с другой стороны, граждане не выражают доверия к новым организациям и привычно обращаются к административным органам (предпочитая государственные банки, пенсионные фонды и управляющие компании товариществ собственников жилья и т. п.). Низкий уровень доверия к негосударственным организациям и форматам взаимодействия (обусловленный традиционным российским этатизмом и патернализмом), низкая способность к гражданской консолидации и кооперации усугубляются вмешательством государства в те сферы, которые «выделены» гражданам. Тем самым образуется замкнутый круг: государство создает структуры гражданского общества, чтобы активизировать инициативы снизу, но постоянно вторгается в негосударственные общественные отношения, в то время как уровень гражданской инициативы и организации только снижается в отсутствие роста доверия к гражданским институтам. «При этом, — как отмечают многие, — на данном этапе власть оказывается не вполне способной к проявлению разумного самоограничения» [35, с. 169], что действительно дает основания представителям Запада «все больше утверждаться во мнении, что Россия отклоняется от пути демократизации» [38, с. 6].

Низовая гражданская активность реализуется прежде всего в создании НКО и участии в их деятельности. Систему НКО можно понимать как «Промежуточное царство», расположенное между государством и домашним хозяйством, населенное организованными группами и ассоциациями, которые отделены от государства, обладают определенной автономией в отношениях с государством и сформированы добровольно членами общества для того, чтобы защищать или распространять их интересы,

ценности или идентичность» (*A Concept Paper of Institute of Development Studies*, с. 4, приводится по: [39, с. 116]).

В соответствии с официальными данными, представленными председателем Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по развитию некоммерческого сектора и поддержке социально ориентированных НКО Е. Тополевой-Солдуновой, в 2017 г. в России было зарегистрировано более 220 тысяч НКО [40]. По данным Росстата, проанализированным Т. Б. Якимовой, «основная часть общественных организаций <...> осуществляют свою деятельность в социальной сфере, 40 % приходится на общественно-гражданские объединения, 10 % — на общественно-политические» [39, с. 116]. Из этой статистики следует, что некоммерческий сектор в РФ отнюдь не политизирован.

Вместе с тем развитие этой сферы гражданского общества характеризуется следующими обстоятельствами: сегодня, как свидетельствуют данные Росстата и Минюста, число общественных организаций не только перестало расти (наиболее активная фаза роста приходилась на конец 1990-х гг.), но и начало несколько снижаться (так, за последний год их стало на 4 тысячи меньше). Кроме того, отмечают М. В. Певная и А. А. Папулова, «некоторые независимые исследования и экспертные оценки показывают, что из числа зарегистрированных НКО <...> продолжают осуществлять деятельность на постоянной основе только около 15—25 %» [41, с. 446]; более точные оценки произвести трудно.

Следует подчеркнуть, что создание системы НКО является одной из самых мощных тенденций институционализации демократии в России. Государство активно способствует созданию и деятельности НКО (поддерживаются благотворительные организации, материнство и детство, юношеский досуг, спорт и многие другие направления, есть различные механизмы этой поддержки: региональные программы, системы грантов и т. п.). Более того, опыт деятельности НКО демонстрирует, что они оказываются эффективным инструментом и партнером

государства в социальном патронаже и решении сложных социальных проблем: бедности, сиротства, одинокой старости, наркомании и т. п. Некоммерческие организации экономически эффективны (в период своего роста служили источником дополнительных рабочих мест) и играют неоценимую роль в мобилизации социальной и гражданской активности населения России, преодолении патернализма, социальной апатии и политического абсентеизма.

Вместе с тем ряд проблем в деятельности НКО препятствуют институциональному развитию гражданского общества: слабая степень развитости механизмов гражданской кооперации и взаимопомощи; медленные темпы роста доверия граждан к общественному сектору; низкий уровень гражданской инициативы и ее расширения (если общественная организация достигла краткосрочных целей, относительно редко проявляют себя тенденции к расширению целеполагания); слабая связь с институтами местного самоуправления; подавление гражданских инициатив со стороны государственных органов; замещение гражданской активности ее парагражданскими формами; низкая вовлеченность в некоммерческий сектор наиболее экономически активного населения (среднего возраста с доходами выше среднего).

Помимо названных проблем, а также бюрократизации и рутинизации функционирования гражданских структур, созданных по воле административных органов, которые превращают их, по сути, в парагражданские, наблюдается еще одна тенденция, осложняющая институционализацию гражданского общества: ужесточение законодательства и усиление контроля государства за деятельностью тех институтов, которые не были созданы сверху, но явились подлинным результирующим образованием гражданских инициатив: негосударственных СМИ, а также негосударственных, в первую очередь зарубежных, фондов, НКО и правозащитных сообществ.

Роль СМИ в институционализации демократии в России невозможно оценить однозначно. Развитие независимых СМИ

прошло несколько этапов, в последние годы наблюдается тенденция к усилению контроля государства за деятельностью медиа, за политическим контентом. Несмотря на это, существуют оппозиционные власти радиостанции и газеты («Эхо Москвы», «Новая газета»). На региональных и местных уровнях пресса находится не под самым жестким контролем и продолжает развиваться в качестве института гражданского общества, выполняя ряд присущих ей функций: сбор и распространение информации; «редактирование» или отбор и комментирование информации; формирование общественного мнения; распространение культуры [42]. Часть СМИ представляют собой органы политических партий и выполняют главным образом функцию политической агитации через прямое воздействие на общественное мнение. Вместе с тем в последние годы многие исследователи разделяют мнение, высказанное К. В. Космодемьянской: чаще всего отечественные массмедиа не являются эффективным институтом гражданского общества, поскольку «власть использует СМИ в качестве инструмента эксплуатации и манипулирования массовыми коммуникативными процессами, создает так называемую “повестку дня”, которая выгодна лидерам политики, которую иначе можно назвать актуальным дискурсом» [43, с. 178]. «Формирование повестки дня, — напоминает О. Шакиров, — один из этапов политического процесса, в ходе которого определяется круг вопросов, которые затем становятся предметом обсуждения и по которым в результате принимаются политические решения» [44, с. 83].

Таким образом, сегодня процесс институционализации гражданского общества продолжается и имеет ряд особенностей. Фиксируемая динамика может свидетельствовать о том, что действующие сегодня институты гражданского общества обладают значительным ресурсным потенциалом для выполнения перечисленных нами функций. На сегодняшний день в России создан институциональный базис для эффективного взаимодействия и взаимовлияния

институтов гражданского общества и государства. Вместе с тем усиление контроля государства за развитием и функционированием НКО, СМИ, правозащитных организаций, рутинизация их деятельности, формирование административной матрицы, в которую встраиваются гражданские организации, свидетельствуют о стремлении государства к стабилизации общественных отношений [19; 45], укреплении властной вертикали, созданию устойчивой политической системы, параметры которой характерны для корпоративной модели взаимодействия гражданского общества и государства, среди прочего за счет усиления контроля и введения регулятивных механизмов для институтов гражданского общества. Эта тенденция создает угрозу этатизации общественных отношений и замедления в развитии функций гражданского общества.

Литература

1. **Аристотель.** Сочинения: Философская проза. Стихотворения. Калининград: Янтарный сказ, 2002. 542 с.
2. **Гегель Г.** Философия права. Введение. Ч. 1—3 // Сочинения: в 8 т. / Гегель; пер. Б. Столпнера. Т. 7. М.: Гос. изд-во, 1934. С. 23—262.
3. **Гоббс Т.** О гражданстве. Левиафан // Избранные произведения: в 2 т. / Т. Гоббс. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 345—425.
4. **Кант И.** Сочинения: в 6 т. / Под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. Т. 5. М.: Мысль, 1966. 562 с. (Философское наследие).
5. **Локк Дж.** Два трактата о правлении // Сочинения: в 3 т. / Дж. Локк. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 218—422. (Философское наследие).
6. **Макиавелли Н.** Государь; Рассуждения о первой декаде Тита Ливия; О военном искусстве. М.: Мысль, 1997. 639 с. (Из классического наследия).
7. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Политиздат, 1955. 630 с.
8. **Монтескье Ш. Л. де.** О духе законов // Избранные произведения / Ш. Л. де Монтескье. М.: Госполитиздат, 1955. С. 168—280.
9. **Руссо Ж.-Ж.** Об общественном договоре / Пер. С. Н. Южакова. М.: Игмосс Эдишнз, 2012. 383 с. (Великие философы мира; кн. 4).
10. **Нерсесянц В. С.** Философия права. М.: Норма — Инфра-М, 2000. 241 с.
11. **Мамут Л. С.** Гражданское общество и государство: проблема соотношения // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 94—103.
12. **Соколов В. В.** Европейская философия XV — XVII веков. Изд. 4-е, испр. М.: Академический проект, 2009. 511 с. (Gaudeamus).
13. **Смит А.** Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2009. 956 с.: ил., портр. (Антология экономической мысли).
14. **Юм Д.** Сочинения: в 2 т. 2-е изд., доп. и испр. М.: Мысль, 1996.
15. **Пейн Т.** Избранные сочинения. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 422 с., 1 л. портр.
16. **Токвиль А. де.** Демократия в Америке / Пер. с фр.; предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992. 559 с.
17. **Андриянов В. М.** Гражданское общество: от европейской модели к русским ментальным традициям // Социокультурные проблемы политической власти в России / Ред. И. Б. Остаркова. Екатеринбург: Челябин. гос. пед. ин-т, 1993. Ч. 3. С. 126—131.
18. **Гапоненко Л. Б.** Современные проблемы взаимодействия социального государства и гражданского общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2004. 28 с.
19. **Геллер Э.** Условия свободы: гражданское общество и его исторические соперники. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2004. 240 с.: табл. (Б-ка Московской школы политических исследований).
20. **Поппер К. Р.** Открытое общество и его враги: [в 2 т.]. М.: Феникс: Междунар. фонд «Культурная инициатива», 1992.
21. **Максименко В.** Идеология civil society и гражданская культура // Pro et Contra. 1999. Т. 4 № 1. С. 113—128.
22. **Марков Б. В.** Разум и сердце: история и теория менталитета. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993. 229 с.
23. **Слесарева Г. Ф.** Идея гражданского общества в европейской культуре (от Платона до Гегеля): монография. М.: МПГУ, 2014. 238 с.
24. Теория государства и права / Под ред. В. К. Бабаева. М.: Юрист, 2003. 592 с. (Institutions).
25. **Чиркин В. Е.** Государствоведение. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрист, 2000. 382 с. (Institutions).
26. **Habermas J.** The Structural Transformation of the Public Sphere / Transl.: T. Burger. Oxford: Polity Press, 1989. XIX, 309 p.
27. **Ирхин Ю. В.** Гражданское общество в современной России: управляемое, направляемое или возмущающее? // Ars Administrandi. Искусство управления. 2010. № 1. С. 3—16.
28. **Глушенко В. В.** Политология: системно-управленческий подход. М.: Глушенко В. В., 2008. 160 с.
29. **Красин Ю. А.** Публичная сфера и публичная политика: Российские проблемы // Россия в условиях трансформаций: историко-политологический семинар: материалы. Вып. 25. М.: Фонд развития полит. центра, 2002. С. 5—21.
30. **Гриб В. В.** Взаимодействие государства и гражданского общества: правовые проблемы // История государства и права. 2010. № 23. С. 24—27.
31. **Гриб В. В.** Взаимодействие органов государственной власти и институтов гражданского общества в Российской Федерации: конституционно-правовые аспекты. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Юрист, 2011. 401 с.
32. **Красильников Д. Г., Троицкая Е. А.** Практика использования основных инструментов НРМ в Пермском крае // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 1. С. 157—166.

Поступила 30.01.2019

33. **Кукарников Д. Г.** Государство и гражданское общество: взаимосвязь и взаимодействие // Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия: мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. 15-16 окт. 2013. Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. С. 55—58.

34. **Оломцев К. С.** Эволюция государственной политики в отношении институтов гражданского общества в современной России: анализ посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ в период 1994—2012 гг. // Ars Administrandi. Искусство управления. 2014, № 4. С. 21—28.

35. **Малахова О. В.** Институты гражданского общества в современной России: концепции и перспективы взаимодействия с государством // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2008. № 5 (45). С. 165—170.

36. **Шмиттер Ф.** Неокорпоратизм // Полис. Политические исследования. 1997. № 2. С. 14—22.

37. **Чернышов А. Г.** Поволжье: мобилизация интересов регионов или интересы «мобилизационного общества»? // Перспективы и проблемы становления «Поволжского регионализма» = Prospects and Problems of the Volga Regionalism Formation. М.: Моск. обществ. фонд: Изд. центр науч. и учеб. программ, 1999. С. 39—45.

38. **Шмидт Д.** Какое гражданское общество существует в России? // Pro et Contra. 2006. Т. 10 № 1. С. 6—24.

39. **Якимова Т. Б.** Некоммерческие организации как основной институт гражданского общества в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 12 (140). С. 116—119.

40. **Тополева-Солдунова Е.** Количественные показатели развития некоммерческого сектора в РФ: Доклад ОП РФ — 2017 // Третий сектор: динамика развития, экономический потенциал, общественное восприятие: [Электронный ресурс] / Общественная палата Российской Федерации. URL: <https://report2017.orgf.ru/2.html> (дата обращения: 02.03.2018).

41. **Певная М. В., Папулова А. А.** Государственная поддержка социальных инициатив в решении проблем семьи, материнства, отцовства и детства (анализ итогов конкурса президентских грантов 2017 года) // XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15-16 марта 2018). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2018. С. 446—449.

42. **Lasswell H.** The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas: A Series of Addresses / Ed. L. Bryson. N. Y.: Harper and Row, 1948. P. 37—51.

43. **Космодемьянская К. В.** Власть и СМИ: взаимодействие или противостояние? // Теория и практика общественного развития. 2014. № 4. С. 176—179.

44. **Шакиров О.** Как формируется международная повестка дня? Ответ конструктивизма // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 3-4 (30-31). С. 83—90.

45. **Исаев Б. А., Баранов Н. А.** Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб. [и др.]: Питер, 2008. 394 с.

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), rast-v2012@yandex.ru

Антонов Федор Сергеевич — аспирант Московского государственного областного университета (Россия, 105005, Москва, ул. Радио, д. 10а), aspirantura@mgou.ru

References

1. Aristotel' (Aristotle). Sochineniya: Filosofskaya proza, Stikhotvoreniya (Works: Philosophical Prose, Verse), Kaliningrad, Yantarnyi skaz, 2002, 542 p.

2. Gegel' G. (Hegel G.) Filosofiya prava. Vvedenie. Ch. 1—3 (Philosophy of Right. Introduction. Parts 1—3), Sochineniya, v 8 t., Gegel' (Hegel), per. B. Stolpnera, T. 7, M., Gos. izd-vo, 1934, pp. 23—262.

3. Gobbs T. (Hobbes Th.) O grazhdanstve. Leviathan (On the Citizen. Leviathan), Izbrannye proizvedeniya, v 2 t., T. Gobbs (Th. Hobbes), M., Mysl', 1964, T. 2, pp. 345—425.

4. Kant I. Sochineniya, v 6 t. (Works, In 6 Vols.), Pod obshch. red. V. F. Asmusa, A. V. Gulygi, T. I. Oizermana, T. 5, M., Mysl', 1966, 562 p., Filosofskoe nasledie.

5. Lokk Dzh. (Locke J.) Dva traktata o pravlenii (Two Treatises of Government), Sochineniya, v 3 t., Dzh. Lokk (J. Locke), T. 3, M., Mysl', 1988, pp. 218—422, Filosofskoe nasledie.

6. Makiavelli N. (Machiavelli N.) Gosudar', Ras-suzhdeniya o pervoi dekadke Tita Liviya, O voennom iskusstve (The Prince, Discourses on Livy, The Art of War), M., Mysl', 1997, 639 p. Iz klassicheskogo naslediya.

7. Marks K. (Marx K.), Engels F. Sochineniya (Works), 2-e izd., T. 3, M., Politizdat, 1955, 630 p.

8. Montesk'e Sh. L. de (Montesquieu Ch. L. de). O dukhe zakonov (The Spirit of the Laws), Izbrannye proizvedeniya, Sh. L. de Montesk'e (Ch. L. de Montesquieu), M., Gospolitizdat, 1955, pp. 168—280.

9. Russo Zh.-Zh. (Rousseau J.-J.) Ob obshchestvennom dogovore (The Social Contract), Per. S. N. Yuzhakova, M., Iglmoss Edishnz, 2012, 383 p. Velikie filosofy mira, kn. 4.

10. Nersesyants V. S. Filosofiya prava (Philosophy of Right), M., Norma — Infra-M, 2000, 241 p.

11. Mamut L. S. Grazhdanskoe obshchestvo i gosudarstvo: problema sootnosheniya (Civil Society and the State: Problem of Relationship), Obshchestvennye nauki i sovremennost', 2002, No. 5, pp. 94—103.

12. Sokolov V. V. Evropeiskaya filosofiya XV — XVII vekov (European Philosophy of 15th to 17th Centuries), Izd. 4-e, ispr., M., Akademicheskii proekt, 2009, 511 p. Gaudeamus.

13. Smit A. (Smith A.) Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov (Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations), M., Eksmo, 2009, 956 p., il., portr., Antologiya ekonomicheskoi mysli.

14. Yum D. (Hume D.) Sochineniya, v 2 t. (Works, in 2 Vols.), 2-e izd., dop. i ispr., M., Mysl', 1996.
15. Pein T. (Paine Th.) Izbrannye sochineniya, M., Izd-vo AN SSSR, 1959, 422 p., 1 l. portr.
16. Tokvil' A. de (Tocqueville A. de). Demokratiya v Amerike (Democracy in America), Per. s fr., predisl. G. Dzh. Laski (H. J. Laski), M., Progress, 1992, 559 p.
17. Andriyanov V. M. Grazhdanskoe obshchestvo: ot evropeiskoi modeli k russkim mental'nym traditsiyam (Civil Society: from European Model to Russian Mental Traditions), *Sotsiokul'turnye problemy politicheskoi vlasti v Rossii*, Red. I. B. Ostarkova, Ekaterinburg, Chelyab. gos. ped. in-t, 1993, Ch. 3, pp. 126—131.
18. Gaponenko L. B. Sovremennye problemy vzaimodeistviya sotsial'nogo gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva, avtoref. dis. ... kand. polit. nauk (Contemporary Issues of Social State and Civil Society Interaction, Extended Abstract of Cand. Sci. (Polit.) Dissertation), Ekaterinburg, 2004, 28 p.
19. Gellner E. Usloviya svobody: grazhdanskoe obshchestvo i ego istoricheskie soperniki (Conditions of Liberty: Civil Society and its Rivals), M., Mosk. shk. polit. issled., 2004, 240 p., tabl., B-ka Moskovskoi shkoly politicheskikh issledovaniy.
20. Popper K. R. Otkrytoe obshchestvo i ego vragi, v 2 t. (Open Society and its Enemies, in 2 Vols.), M., Feniks, Mezhdunar. fond "Kul'turnaya initsiativa", 1992.
21. Maksimenko V. Ideologema civil society i grazhdanskaya kul'tura (Civil Society Ideologeme and Civil Culture), *Pro et Contra*, 1999, Vol. 4 No. 1, pp. 113—128.
22. Markov B. V. Razum i serdtse: istoriya i teoriya mentaliteta (Reason and Heart: History and Theory of Mindset), SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1993, 229 p.
23. Slesareva G. F. Ideya grazhdanskogo obshchestva v evropeiskoi kul'ture (ot Platona do Gegelya) (Idea of Civil Society in European Culture (from Plato to Hegel)), monografiya, M., MPGU, 2014, 238 p.
24. Teoriya gosudarstva i prava (Theory of State and Law), Pod red. V. K. Babaeva, M., Yurist", 2003, 592 p., Institutions.
25. Chirkov V. E. Gosudarstvovedenie (Political Science), 2-e izd., ispr. i dop., M., Yurist", 2000, 382 p., Institutions.
26. Habermas J., and T. Burger (transl.) The Structural Transformation of the Public Sphere. Oxford, Polity Press, 1989, xix, 309 p.
27. Irkhin Yu. V. Grazhdanskoe obshchestvo v sovremennoi Rossii: upravlyаемое, napravlyаемое ili vozdeistvuyushchee? (Civil Society in Modern Russia: Managed, Driven or Influencing?), *Ars Administrandi. Iskustvo upravleniya*, 2010, No. 1, pp. 3—16.
28. Glushchenko V. V. Politologiya: sistemno-upravlencheskii podkhod (Political Science: System and Management Approach), M., Glushchenko V. V., 2008, 160 p.
29. Krasin Yu. A. Publichnaya sfera i publichnaya politika: Rossiiskie problemy (Public Sphere and Public Affairs), *Rossiya v usloviyakh transformatsii, istoriko-politologicheskii seminar, materialy*, Vyp. 25, M., Fond razvitiya polit. tsentrizma, 2002, pp. 5—21.
30. Grib V. V. Vzaimodeistvie gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva: pravovye problemy (State and Civil Society Interaction: Legal Problems), *Istoriya gosudarstva i prava*, 2010, No. 23, pp. 24—27.
31. Grib V. V. Vzaimodeistvie organov gosudarstvennoi vlasti i institutov grazhdanskogo obshchestva v Rossiiskoi Federatsii: konstitutsionno-pravovye aspekty (Interaction of State Government Bodies and Civil Society Institutions in Russian Federation: Constitutional and Legal Aspects), 2-e izd., dop. i pererab., M., Yurist, 2011, 401 p.
32. Krasil'nikov D. G., Troitskaya E. A. Praktika ispol'zovaniya osnovnykh instrumentov NPM v Permskom krae (Practice of Using Primary Tools of New Public Management in Perm Krai), *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya*, 2011, No. 1, pp. 157—166.
33. Kukarnikov D. G. Gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: vzaimosvyaz' i vzaimodeistvie (State and Civil Society: Interconnection and Interaction), *Lichnost', obshchestvo, gosudarstvo, pravo. Problemy sootnosheniya i vzaimodeistviya, mat-ly III mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 15-16 okt. 2013*, Praga, Vědecko vydavatelské centrum "Sociosféra-CZ", 2013, pp. 55—58.
34. Olompiev K. S. Evolyutsiya gosudarstvennoi politiki v otnoshenii institutov grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii: analiz poslanii Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu RF v period 1994—2012 gg. (Evolution of State Policy Related to Civil Society Institutions in Modern Russia: Analysis of RF Presidential Addresses to the Federal Assembly of the Russian Federation between 1994 and 2012), *Ars Administrandi. Iskustvo upravleniya*, 2014, No. 4, pp. 21—28.
35. Malakhova O. V. Instituty grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii: kontseptsii i perspektivy vzaimodeistviya s gosudarstvom (Civil Society Institutions in Modern Russia: Conceptions and Prospects of Interaction with the State), *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya Istoriya. Politologiya*, 2008, No. 5 (45), pp. 165—170.
36. Shmitter F. (Schmitter Ph.) Neokorporatizm (Neo-Corporatism), *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1997, No. 2, pp. 14—22.
37. Chernyshov A. G. Povolzh'e: mobilizatsiya interesov regionov ili interesy "mobilizatsionnogo obshchestva"? (Volga Region: Regional Interests Mobilization or Interests of "Mobilization Society"?), *Prospects and Problems of the Volga Regionalism Formation*, M., Mosk. obshchestv. nauch. fond, Izd. tsentr nauch. i ucheb. programm, 1999, pp. 39—45.
38. Schmidt D. (Schmidt D.) Kakoe grazhdanskoe obshchestvo sushchestvuet v Rossii? (What Civil Society Exists in Russia?), *Pro et Contra*, 2006, Vol. 10 No. 1, pp. 6—24.
39. Yakimova T. B. Nekommercheskie organizatsii kak osnovnoi institut grazhdanskogo obshchestva v Rossii (Non-Profit Organizations as the Main Institution of Civil Society in Russia), *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2013, No. 12 (140), pp. 116—119.
40. Topoleva-Soldunova E. "Kolichestvennye pokazateli razvitiya nekommercheskogo sektora v RF: Doklad OP RF — 2017" (Quantitative Indicators of Nonprofit Sector Development in RF: The RF Public Chamber Report, 2017). *Tretii sektor: dinamika razvitiya, ekonomicheskii potentsial, obshchestvennoe vospriyatie*. Obshchestvennaya palata Rossiiskoi Federatsii, n. d. Web. 2 Mar. 2018. <https://report2017.oprf.ru/2.html>.

41. Pevnaya M. V., Papulova A. A. Gosudarstvennaya podderzhka sotsial'nykh initsiativ v reshenii problem sem'i, materinstva, otsovstva i detstva (analiz itogov konkursa prezidentskikh grantov 2017 goda) (State Support of Social Initiatives in Solving the Problems of Family, Maternity, Paternity and Childhood (Analysis of the Results of the 2017 Prezident Grant Competition)), *XXI Ural'skie sotsiologicheskie chteniya. Sotsial'noe prostranstvo i vremya regiona: problemy ustoychivogo razvitiya, mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Ekaterinburg, 15-16 marta 2018)*, Ekaterinburg, Gumanitarnyi universitet, 2018, pp. 446—449.
42. Lasswell H. "The Structure and Function of Communication in Society". *The Communication of Ideas: A Series of Addresses*, Ed. L. Bryson, N. Y., Harper and Row, 1948, pp. 37—51.
43. Kosmodem'yanskaya K. V. Vlast' i SMI: vzaimodeistvie ili protivostoyanie? (The Authorities and the Mass Media: Interaction or Confrontation?), *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, No. 4, pp. 176—179.
44. Shakirov O. Kak formiruetsya mezhdunarodnaya povestka dnya? Otvet konstruktivizma (Agenda Setting from the Constructivist Perspective), *Mezhdunarodnye protsessy*, 2012, T. 10 No. 3-4 (30-31), pp. 83—90.
45. Isaev B. A., Baranov N. A. Politicheskie otnosheniya i politicheskii protsess v sovremennoi Rossii (Political Relationship and Political Process in Modern Russia), SPb. et al., Piter, 2008, 394 p.

Submitted 30.01.2019

Rastimeshina Tatiana V., Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), rast-v2012@yandex.ru

Antonov Fedor S., PhD Candidate, Moscow Region State University (105005 Russia, Moscow, Radio str., 10A), aspirantura@mgou.ru